

УДК 821.111(73)-3.09.(045)

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ЧАРЛЬЗА СИМИЧА

канд. филол. наук, доц. Л.В. ПЕРВУШИНА
(Минский государственный лингвистический университет)
lyubaper@gmail.com

Рассмотрены особенности творчества Чарльза Симича – известного американского писателя-эмигранта сербского происхождения. Исследуются убеждения и идеалы, составляющие мировоззренческие установки автора. Делается попытка определить эстетические принципы, обусловившие разноректорность его художественных исканий. Отмечается специфика многосоставной национально-культурной идентичности и оценивается индивидуальная модель вхождения этого представителя эмиграции в американскую культуру. Прослеживаются соответствующие процессы – ассимиляции, американизации, аккультурации. Анализируются идейно-тематические особенности произведений Ч. Симича, вызванные влиянием современных реалий, а также связь его творчества с различными художественными концепциями. Определяются специфические способы художественного освоения действительности, выявляется присутствие интертекстуальности, интермедийности и символизма.

Ключевые слова: мировоззренческие установки, эстетические воззрения, культурная идентичность, писатель-эмигрант, культурно-историческая память.

Введение. Современный глобализованный мир характеризуется многосоставностью и многовекторностью культурных явлений. Одним из наиболее важных феноменов XX – начала XXI века является эмиграция, которая, как реакция на мировые политические и социально-экономические тенденции, меняет свою сущность, во многом определяя развитие отдельных стран, локальных цивилизаций и человечества в целом. Известно, что эмиграция является одной из “цивилизационных характеристик, оказывающей основополагающее влияние на историческое развитие Америки” [9, с. 12], которая изначально формировалась как страна иммигрантов и которая до сих пор остается территорией со значительными потоками беженцев. Литература эмиграции является подвижной идейно-художественной системой, фиксирующей особенности адаптации, социализации и ассимиляции различных национальных, этнических и культурных сообществ в структуру мультикультурного и полиязычного американского общества, имеющего исходно англосаксонские корни.

Так или иначе составной частью культуры США является творчество писателей-эмигрантов из славянских стран. В последние десятилетия XX – начале XXI века это И. Бродский, С. Довлатов, З. Зиник, Т. Карпович, С. Баранчак, Е. Косински, Н. Арсеньева и другие. В этом же ряду те, кто представляет сербский национально-культурный элемент – Д. Галич Барр, С. Тешич, Дж. Николич, С. Янкович, В. Михайлович, М. Радованов-Матарич и Ч. Симич. Их литературные поиски формируют особую эстетическую территорию, значимую для теоретического осмысления ряда философских, историко-культурных и литературоведческих вопросов, связанных с исследованием “экзистенции, диаметрально отличающейся от жизни на родине как в макро, так и микро масштабе” [11, с. 13].

Теоретические основы проблем культуры и литературы, созданной в эмиграции, изложены в трудах В. Большувера, Д. Холлинджера, В. Соллорса, Р. Веколи, Ж. Бодрийара, Т. Гладски, Дж. Джекобс, М. ван Кревельд, Б. Холмгрен, О. Матич, В.В. Согрина, Н.Н. Болховитинова, Н. Высоцкой, Т.Н. Денисовой, М. Тлостановой, А. Ващенко, Г. Гачева, О. Карасик и др. Ученые выявляют особенности репрезентации различных культур и их возможные взаимовлияния, устанавливают художественные параметры творчества конкретных писателей, определяют их ценностные ориентиры и степень сохранения национальной самобытности. Анализируются формы художественного мышления, соответствующие новым условиям, рассматривается специфика многосоставных идентичностей авторов, образовавшихся в результате взаимодействия различных национальных, культурных и этнических традиций.

Одной из важных задач является изучение творческого наследия писателей-эмигрантов в культуре США через призму их *мировоззрения*, “т.е. концептуально выраженную систему взглядов человека на мир, на себя и на свое место в мире” [5, с. 392], которая ставит вопросы о смысле бытия и сознания, духовности человека и материальности мира. Мировоззрение писателя, оказавшегося на пересечении различных культурных координат, специфично, поскольку “затрагивает этико-онтологические проблемы развития человека, искусства и общества и акцентирует чувственное и эмоционально-ценностное отношение к бытию” [15]. Как специфическая форма сознания человека, “мировоззрение включает в себя обобщенную систему знаний, убеждений и идеалов, в которых выражается его отношение к природе, обществу и самому себе и которые определяют его общественно-политическую и нравственную позицию, а также волю, без употребления которой практическая деятельность невозможна” [2].

Известно, что основополагающие мировоззренческие установки писателей-эмигрантов определяются главным онтологическим вопросом – вопросом отношения к родине и чужбине (“свой” – “чужой”), который выявляет особенности национального самосознания, как и осмысления собственного “я”. Поскольку эмигрант, так или иначе, вынужден в своем творчестве сопрягать “две культурные системы, культуру настоящего и будущего, т.е. культуру новой страны и культуру памяти в одну цельную модель” [34, с. 144], то исследование мировоззренческих и эстетических установок авторов, представляющих эмиграцию, способствует более глубокому проникновению в закономерности их творческого мышления, более точному определению их места в историческом процессе, а также пониманию процесса создания новых этически и эстетически ценных произведений в специфических условиях “транскультурного смешения/транскультурной конвергенции” [10] при активном и даже агрессивном вторжении в литературное поле США новых волн современной эмиграции из Азии, Африки и Латинской Америки.

Творчество авторов-эмигрантов демонстрирует различные модели вхождения в новое поле североамериканской культуры: от достаточно полной ассимиляции и успешного функционирования личности в обществе до трагических историй, “написанных кровью”. Говоря от лица многих эмигрантов, Эрика Джонг – современная писательница, эмигрант во втором поколении, ставшая классиком американской литературы, отмечает: “Америка стала богатой, тучной, погрязшей в изобилии, т.к. она всегда “подпитывалась” жизненными трагедиями миллионов иммигрантов... Сегодня иммигранты изменились, но трагедия иммигрантов осталась прежней. Американский процесс ассимиляции – это бурлящий плавильный котел, наполненный горькими слезами людей. И даже настоящие янки иногда тонут в этом море слез” [22, с. 67].

Основная часть. Творчество Чарльза Симича (1938) – современного влиятельного писателя-эмигранта сербского происхождения (American Serbian writer) вызывает живой интерес критиков, литературоведов и широкой читательской аудитории. Его перу принадлежат более 30 сборников поэзии, среди которых “Разрушение молчания” (*Dismantling the Silence*, 1971), “Нескончаемые блюзы” (*Unending Blues*, 1986), «Отель “Инсомния”» (*Hotel Insomnia*, 1992), “Ночной пикник” (*Night Picnic*, 2001), “Странные портреты” (*Jackstraws*, 1999), “Мой незаметный антураж” (*My Noiseless Entourage*, 2005), “Безумец” (*Lunatic*, 2015) и др., а также три книги избранной поэзии. Ч. Симич также известен как публицист и эссеист, создавший 9 сборников литературных и философских эссе, в том числе “Неопределенная определенность: интервью, эссе и заметки о поэзии” (*The Uncertain Certainty: Interviews, Essays, and Notes on Poetry*, 1985), “Алхимия лавки секретов” (*The Dime-Store Alchemy*, 1992), “Ренегат”, (*The Renegade*, 2008), “Живые отображения” (*Life of Images*, 2015) и др. Ему принадлежат и несколько книг переводов на английский язык таких известных югославских поэтов, как И. Лалич, В. Попа, Т. Шаламун, М. Павич, А. Ристович и др.

Творческая работа Чарльза Симича, которая охватывает период более 50 лет, отмечена рядом престижных премий и наград за вклад в развитие американской поэзии, за “яркую и оригинальную поэтическую образность, остроумие, острословие, смешанное с сарказмом, за неповторимую манеру письма, за новаторский голос” [32, р. 1]. Симич является Лауреатом Пулитцеровской премии 1990 года за сборник стихов “Мир не погибнет” (*The World Does Not End*). В 2007 году он получает премию им. Уоллеса Стивенса, а в 2011 году награждается медалью имени Фроста. В 2007 году он занимает почетную должность поэта-лауреата США в качестве консультанта по проблемам поэзии в Библиотеке Конгресса США.

Родился поэт 9 мая в 1938 г. в Белграде, в бывшей Югославии. Гнетущая атмосфера страха и мрачные образы, воспроизводимые автором в произведениях разных лет, во многом связаны с детскими воспоминаниями о бомбежках Белграда, сценах жестокости, о марше нацистов, проходившем рядом с домом Симичей. Эти и многие другие эпизоды военного времени оказали воздействие на систему миротражения писателя, которое он сам обозначает как реалистическое и экспериментальное. После нескольких арестов отцу Чарльза удалось уехать в Италию в 1944 году, а затем – в США. Его мать была заключена в тюрьму коммунистическими властями; только в 1953 году она вместе с сыном бежала в Париж, где некоторое время они пребывали в статусе перемещенных лиц (*displaced persons*). Именно эти события во многом определили многократное обращение писателя к теме эмиграции и вызвали образы бездомных людей, лишенных права владения собственностью; беженцев, оказавшихся без крова; изгнанников, выброшенных судьбой из привычной жизни.

Именно в парижской школе Чарльз по-настоящему проникся интересом к поэзии, познакомился с творчеством П. Верлена, Ш. Бодлера и А. Рембо, декламировал на занятиях поэзию, стесняясь своего акцента. В 1954 они с матерью получили разрешение на выезд в США. Семья воссоединяется в Нью-Йорке, а затем переезжает в Чикаго. Чарльз Симич заканчивает Нью-Йоркский университет, получает степень бакалавра. Первые стихи его были опубликованы в 1959 году, а первая книга поэзии “Шепот травы” (*What the Grass Says*) – в 1967 г. С 1973 г. он получает должность доцента в Университете Нью Хэмпшира, в котором ныне является почетным профессором (*Emeritus Professor*).

Травмирующее воздействие военного времени вызвало в сознании Ч. Симича искажение архетипического образа дома, который “выражает особый архаичный, глубинный срез человеческого психического опыта, корнями уходит в историческое прошлое и обретает смысл общечеловеческого феномена, будучи значимым в опыте индивидуальной жизни человека” [6]. Как известно, архетипы – врожденные идеи или воспоминания – предрасполагают людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом. Крушение мыслей о доме как о спокойном и безопасном месте “приводит к исчезновению у людей чувства родины, размыванию национальных ценностей и утрату национальной идентичности, основой которой является менталитет народа” [14]. Симич пишет: “мои кошмарные воспоминания подавили и вытеснили из сознания силу моих чувств к моему любимому старому Белграду..., поэтому я никогда не испытывал чувства ностальгии” [33, с. 8]. Известно, что при исторической травме “личные шоковые переживания воспринимаются не как уникальные, а как массовые” [20]. Историческая травма (имеющая свое время, место и конкретное событие) тесно связана с культурной травмой, которая осуществляется в современный момент жизни, и под которой понимается “дискурсивный ответ на разрыв социальной ткани, – когда стабильная коллективная идентичность, потрясенная травматическим событием испытывает необходимость в обновлении нарратива о себе (*re-narration*) и восстановлении” [19]. Самые пронзительные, эмоционально насыщенные строки творчества Ч. Симича связаны с темой войны, с темой потери своего дома: “*Две собаки*” (*Two dogs*), “*Та Teppитория*” (*The Place*), “*Война*” (*The War*), “*Восточно-Европейская кухня*” (*Eastern European Cooking*), “*Трагический смысл жизни*” (*The Tragic Sense of Life*), “*Император*” (*The Emperor*) и др.

Образ дома как “пустого”, “темного”, “холодного места с неясными очертаниями”, в котором лирический герой проживает “серые вечера в сером веке” [32, с. 82] проходит через все творчество Ч. Симича (например, в произведениях “*Наставления отца*” (*Grandpa’s Spell*), “*Ничего более*” (*Nothing Else*), “*Одиночество*” (*Solitude*), “*Империя снов*” (*Empire of Dreams*), “*Отели Одиночества*” (*Solitude in Hotels*), “*Узник*” (*The Prisoner*), “*История*” (*History*) и др.) Символическое и обобщающее значение образа дома обнаруживается в произведении “*В темном доме*” (*In a Dark House*), которым завершается недавно вышедший сборник избранных стихов Ч. Симича (2015 г.). Символизируемые элементы архетипа дома (напряженная психологическая атмосфера, неспособность противостоять разрушающим воздействиям внешнего мира, внутренняя конфликтность и противоречивость) свидетельствуют о потерянности и одиночестве человека, о невозможности достижения счастья в этом мире. Как во внутреннем – домашнем мире, так и в открытом – внешнем – присутствуют неопределенность будущего и “смутное предчувствие беды” [32, р. 343].

Мировоззренческий вопрос, детерминированный бинарными оппозициями “свой” – “чужой”, “родина” – “изгнание” был решен Ч. Симичем достаточно определенно. Исследователи славянских литератур в США выявляют следующую закономерность: “именно в произведениях авторов-выходцев из Сербии конфликт идентичности является исключительно важной составляющей. Так, ...многие сербские писатели идентифицируют себя со своей родной страной больше, чем с Америкой” [23, р. 183]. В случае с Симичем имеет место иная социокультурная модель вхождения личности в доминирующую американскую культуру, которая определяет мировидение автора и соответствующие ему эстетические искания. Его способности к изучению языков и творческое мышление обусловили необычайно быстрый процесс американизации и аккультурации, то есть практически полную ассимиляцию личности в новое общество. Так как он “никогда не писал ни строчки на сербском языке” [29], то ему не пришлось пережить трансформацию сложных когнитивных, психологических и физиологических структур личности, “вырывать из души стержень своего самосознания и пройти через сложный и болезненный процесс лингвистических метаморфоз” [16, с. 6], связанный с необходимостью использовать билингвизм и создавать новую языковую идентичность, отказываясь от старой. Не был отмечен и “трудный процесс аккультурации в новой среде, несмотря на резкое изменение культурного окружения” [12], не возникало интенсивное психологическое и эмоциональное напряжение и то глубокое состояние неудовлетворения, на которое были обречены выдающиеся писатели-билингвы – В. Набоков, И. Бродский (в Америке), Эльза Триоле (во Франции) и др. Не появлялось трагическое чувство “отрыва корней от родной земли и их пересадки на новую почву” [17, с. 360]. Эмиграция не была воспринята им как “суровый тип катарсиса, как болезненное очищение...” [7, с. 103]. Это касается и всей семьи Симичей, члены которой не испытывали значительного культурного дискомфорта во время адаптации к новой среде. Поэтому Ч. Симич, который называет себя “нетипичным иммигрантом” [29], достаточно плавно вошел в американское общество, используя язык принявшей его страны, идентифицировал себя с американской культурой и писал свои произведения исключительно на английском языке. Однако за трансформацию культурной “самости” ему пришлось заплатить серьезную цену, а именно, его постигло максимальное “редуцирование чувства изначально данной ему культурной и национальной идентичности” [21, р. XII], потеря того национального своеобразия, которое американская культура ценит в иммигрантах.

В то же время в творчестве Симича сохраняется связь с родиной и славянской культурой через образы и реалии славянского мира, обращение к прошлому и воссоздание некоторых картин и эпизодов его счастливого детства в Белграде: школьные занятия, игры в парке, детские шалости, “мечта ставить постановки в детском театре” [31, p. 51]. Восстанавливая значимые события прошлого, автор посвящает произведения матери (“*Моя мать*”, *My Mother Was...*), бабушке (“*Империи*”, *Empires*), отцу (“*Привычки отца*”, *My Father Loved*), сербскому языку (“*Родной язык*” (*Mother Tongue*)). Об интересе к славянской культуре свидетельствует также изучение русской литературы и языка в Нью-Йоркском университете. Знаний, по мнению самого Ч. Симича, оказалось недостаточно, чтобы впоследствии преподавать русский в американском университете. Однако это позволило ему “читать великих русских писателей Толстого, Достоевского и Чехова в оригинале” [29], следить за публикациями в антологиях и впоследствии открыть для себя современную русскую поэзию, которая, как он полагает, “является намного более интенсивной и наполненной жизнью, чем поэтические опыты во Франции, Италии, Испании” [29]. Если тщательно прочитать его произведения, то выявятся и более глубокие связи идей автора со славянской культурой. Это дает возможность некоторым исследователям сделать вывод о том, что “основа поэтического творчества Ч. Симича коренится в европейской и в восточно-европейской народной сказке” [26, p. 13].

Поэзия для Симича – это творческая лаборатория, где с помощью интеллектуальных игр вырабатываются концепции жизни, определяется отношение автора к миру, решаются художественные задачи и появляются эстетический продукт, соответствующий миропониманию и мировоззрению творческой личности. Богатство проблемно-тематического комплекса творчества этого автора объясняется его четкой установкой отражать жизнь во всем многообразии, в светлых и негативных проявлениях. Его произведения вырастают на почве реальных событий и в основе содержат сильный автобиографический импульс. В своем поэтическом творчестве Ч. Симич поднимает проблемы войны и мира, любви и ненависти, искусства и творчества, природы и технократической цивилизации, духовности и духовной деградации, смысла бытия и кризисных явлений общества. Его интересует жизнь людей, принадлежащих к разным социальным слоям, – межличностные отношения, философские вопросы о смысле жизни, бытии и небытии, о прошлом, настоящем и будущем.

Симич создает особую художественную территорию, состоящую из так называемых *стихотворений-объектов* (*object poems*), содержащих детальное описание объектов и предметов. Они приобретают символическое значение, замещая другие предметы и отражая систему идей автора. Деревья, дома, улицы, игрушки, окна, облака, предметы домашнего обихода, здания, и т.д. становятся многоуровневыми явлениями, в которых сконцентрированы обобщенные представления автора о человеке, смысле жизни, законах бытия. Внимание автора привлечено и к природным, и анималистическим образам, которые усиливают выразительные возможности поэзии. Разворачиваясь в тексте, данные объекты-символы допускают множественные интерпретации и вызывают сложные ассоциации. Единичный объект, через который видится реальность, является инструментом, позволяющим раскрыть отношение к историческим процессам XX – начала XXI века, обличить фашизм, тоталитаризм, авторитаризм, культ личности тиранов. Через единичный объект обнажаются проблемы эмиграции, экологии, акцентируются процессы дегуманизации современного технократического общества, изображенного как “сумасшедший дом”, выявляются кризисные явления современной цивилизации (“*Страшные игрушки*” (*Frightening Toys*), “*Мир будет жить*” (*The World Does Not End*), “*Стена*” (*A Wall*), “*Война*” (*War*), “*Приближение беды*” (*Trouble Coming*) и т.д.). Многозначительность данных образов генерирует дополнительные идеи, поэтому смысл одного конкретного произведения Ч. Симича может быть расширен, т.к. он конституируется лишь в качестве “одной из возможных версий принципиально нон-финального означивания” [4, с. 987].

Такая творческая установка автора, как стремление говорить правду, связана с желанием писателя обновить духовную жизнь Америки. Общественный пафос и пристальное внимание к коллизиям современности становятся важной частью идейно-художественных исканий Симича. В своих публицистических произведениях, эссеистике и интервью он поднимает широкий круг проблем, связанных с историческим развитием Америки и Европы, показывает изменения, происходящие в современной культуре, выявляет противоречия “непроницаемого, трудно объяснимого” [28] американского общества. История войн и трагических событий Европы и Америки с середины XIX века до нашего времени раскрыта в произведении “*Поэзия и история*” (*Poetry and History, 1986*); размышления о войне и положении Югославии конца XX века нашли отражение в эссе “*Фабрика по производству сирот*” (*Orphan Factory, 1995*); осмысление собственной идентичности в контексте истории является содержанием эссе “*Элегия в паутине*” (*Elegy in a Spider's Web, 1993*). Культурная жизнь американского и европейского общества показана в таких произведениях, как “*Пугающий рай*” (*Fearful Paradise, 1996*), “*Под защитой Адама*” (*Adam's Umbrella, 2004*), “*Спасение через смех*” (*Salvation Through Laughter, 2006*). Чарльз Симич представляет свою четкую позицию, указывая на многие противоречия американского государства как во внутренних делах, так и на мировой арене. Затрагивая вопросы войны и мира, он обнажает агрессивное доминирование Америки и открыто противостоит “популярным идеям в американских интеллектуаль-

ных кругах об оправдании политики, которая требует многочисленных жертв, ради спасения мира и улучшения жизни. Писатель критикует высокомерие политиков, которые с легкостью отправляют на смерть людей” [28]. Он призывает видеть болевые узлы современного общества, т.к. считает, что “проблемы, которые стоят перед американцами в образовании, в решении вопросов безработицы, нелегальной иммиграции, здравоохранении, в вопросах национального долга и военных действий, которые в настоящее время ведет Америка, серьезно не обсуждаются даже во время президентских выборов, поэтому “сегодня надо преодолевать нашу слепоту и саморазрушительные идеи” [29].

Обращение к проблемам эмиграции имеет высокую частотность в творчестве Чарльза Симича. По его словам, самыми мудрыми учителями для него были иммигранты Чикаго и Нью-Йорка: немцы, евреи, поляки, итальянцы, русские, украинцы, “которые прошли через революции, погромы, семейные трагедии, нищету, унижение и Бог знает через что еще!... Рассказывали невероятные по своей глубине истории жизни о возвышенном добре и ужасающем зле, выявляли величие и глубокую порочность человека...” [29]. Писателя интересуют контрасты Америки, связанные с жизнью эмигрантов. С одной стороны, он показывает Америку, где труд людей вознагражден, где иммигранты находят свое место в обществе и поддерживают свою идентичность, а с другой – обнажается безудержное стремление к материализму, который разъедает душу человека, лишает жизнь смысла и разрушает сознание. Ч. Симич останавливается на проблемах расизма, ксенофобии, акцентирует рабское положение многих беженцев, в том числе и славянских иммигрантов, которые оказались в “межкультуре”, т.к. забыли свой язык и культуру и не смогли войти в американское общество” [24, р. 14]. Симич часто “воспроизводит образы маргиналов – одиноких, опустившихся, потерянных в обществе людей, бродяг и лузеров, бесцельно шатающихся по улицам и тех, кто приспособился к существованию в грязных и дешевых отелях” [28]. В то же время он пишет о радостях жизни, о творчестве, которое составляет смысл жизни многих, с уважением относится к тем, кто стремится найти себя через образование и тяжелый труд, достигая определенной независимости личности.

Отличительной чертой художественного мышления Ч. Симича является экспериментирование. Все острые проблемы личности, общества и истории закодированы им в литературных играх, для которых характерны сочетание обыденной простоты с философским наполнением. Определенное влияние на раннее творчество писателя оказало течение сюрреализма “с его идеями освобождения от господства разума и власти рационального в произведениях искусства” [13, с. 1050]. Симич, изучив “Манифест сюрреализма” французского поэта А. Бретона, использовал прием размывания грани между сном и явью, сознательным и бессознательным, сознанием и воображением. И хотя позже он преодолел влияние сюрреалистов, это “правило несоответствия” иногда проявляет себя в его поэзии через “соединение несоединимого, сближение изображений и образов, совершенно чуждых друг другу в совершенно чуждых ситуациях” [8, с. 154]. Данная техника очевидна в таких произведениях, как “Двойник” (*The Inner Man*), “Страх” (*Fear*), “Белая комната” (*The White Room*), “Листья” (*Leaves*), “Космология Харона” (*Charon's Cosmology*) и др. Завершилось и воздействие литературных идей Х. Крейна, в свое время поражавшего Ч. Симича неясными, отдаленными, размытыми образами (*obscure images*), создание которых представлялось молодому поэту вершиной мастерства.

Одной из эстетических установок Симича является стремление максимально включить в орбиту своего творчества художественный опыт американской и мировой культуры. Большое значение для формирования его индивидуального стиля имеет классическая традиция авторов Новой Англии – Э. Дикинсон, Р. Эмерсона, Н. Готорна, Р. Фроста. В своих литературно-критических работах Ч. Симич определяет себя как “американского поэта с глубинными корнями, уходящими в американскую литературу и культуру, в поэзию Уитмана, Дикинсон и Рётке” [17, р. 44]. Постигая мастерство поэзии, он находится под впечатлением от европейских и американских модернистов, в круг которых входят Э. Паунд, Т.С. Элиот, У. К. Уильямс, У. Стивенс, Г. Аполлинер, Б. Брехт, Р.М.Рильке и др.

Индивидуальный творческий стиль поэта Симича, как комбинация различных стилевых характеристик, формировался также под прямым или опосредованным влиянием известных современных американских авторов, среди которых Р. Лоуэлл, Дж. Берриман, Ф. О’Хара, Р. Крили, П. Д. Левертов, Ч. Райт и Дж. Тейт. Ч. Симич интересовался идеями Ч. Олсона – теоретика нью-йоркского поэтического авангарда, а с известным американским поэтом М. Стрэндом его роднит чувство юмора, легкая ирония, развитая символическая система. Увлекали его и мысли Р. Блая, который обосновывал необходимость восстановления целостности и индивидуальности личности, утерянной вследствие травм, полученных в детстве. Отдельные стихи Ч. Симича обогащены американским фольклором, включающим “магические высказывания, прыгающие рифмы, вербальное воплощение страхов и предрассудков, страшилки, полет воображения, загадочные ситуации” [29]. В определенный период он испытывал на себе воздействие латиноамериканских авторов от П. Неруды до Ц. Вальехо, изучая антологию творчества латиноамериканских поэтов (*Anthology of Contemporary Latin-American Poetry*).

Большое влияние на Ч. Симича оказали эксперименты У. Мервина – одного из самых влиятельных современных поэтов, дважды удостоенного Пулитцеровской премии (в 1971 г. и 2009 г.) и Национальной Книжной премии (2005 г.), автора антивоенных стихов и философа-эколога, который внес вклад в развитие поэзии XXI века. Литературные поиски Симича стимулировались также необычными находками Мервина в области звучания, рифмы и просодии. В результате пересечения многих векторов были созданы парадоксальные образы, яркие по своей выразительности и изобразительности.

Особую область творчества Чарльза Симича составляют 60 стихотворений в прозе, объединенных в цикл *“Алхимия лавки секретов”* (*The Dime-Store Alchemy*) [31]. Каждое произведение воздает дань уважения Джозефу Корнеллу (1903–1972) – известному американскому скульптору, художнику, кинорежиссеру-авангардисту, который внес вклад в искусство ассамбляжа, создав свои знаменитые магические детские коробки, состоящие из различных, бессистемно собранных мелочей и предметов, восприятие которых вызывает изумление, радость, возрождает воспоминания и ностальгические чувства. Книга Симича “пробуждает в памяти и сознании американских людей значимость искусства и экспериментов известного новатора” [25, р. 157], выявляет особенности постмодернистского экспериментального творчества и специфику взаимодействия различных искусств.

Известно, что Ч. Симич до начала литературной деятельности серьезно занимался живописью, имея намерения стать художником в Америке. Находясь под впечатлением ностальгических коробок Дж. Корнелла, Ч. Симич “применяет к поэзии данную технику составления отдельных элементов в целое” [31, р. IX], а основой его литературных игр становится интермедальность с ее центральной категорией “экфрасис”. В данном случае “экфрасис” обозначает не только вербальную репрезентацию произведений визуального искусства, но и более широких полотен самой жизни. Ч. Симич своеобразно “имитирует” Дж. Корнелла, “максимально наполняет отдельные знаки и знаковую языковую систему визуальным содержанием и придает ей пространственный объем” [26, р. 315]. Так создаются зрительно воспринимаемые образы, которые активизируют мышление и фантазии читателя. Для своих магических “коробок” Ч. Симич отбирает реалии современного общества, записи из дневников художника, добавляет автобиографические факты из своей жизни, использует технологию коллажа, совмещение несовместимых понятий, цитирование и интертекстуальность. Отдельные произведения вызывают яркие образы Америки и американских городов с их контрастами: *“Путешественник в необыкновенной стране”* (*Traveller in a Strange Land*), *“Неизвестная страна”* (*Terra Incognita*), *“Человек на свалке”*, (*The Man on the Dump*), *“Визит к цыгану”* (*I went to the Gypsy*), *“Старая открытка”* (*Old Postcard*).

Другие “стихи-коробки” содержат краткие заметки о природе искусства, модернизма, сюрреализма: *“Наш ангельский предок”* (*Our Angelic Ancestor*), *“Чудесный калейдоскоп”* (*Divine Kaleidoscope*), *“Непонятная сила”* (*A Force Illegible*) и др. Автор сверяет свои мысли с идеями великих классиков и представляет интертекстуальные ссылки на имена и творчество всемирно значимых ученых, художников, философов, музыкантов и писателей, среди которых Э. Дикинсон, Г. Мелвилл, М. Дюшан, А. Рембо, А. Бретон, Р. Эмерсон, Г. Торо, У. Уитмен, Монсеньер Паскаль, Пифагор, Ш. Бодлер, Гёте, Ганс Христиан Андерсен, Вергилий, Г. Аполлинер, Моцарт, Дж. Кейдж, Ф. Ницше и др. Некоторые секреты психологии, детские мечты и переживания представлены в “коробках” *“Загадочная игрушка”* (*Secret Toy*); *“Поэтика миниатюры”* (*Poetics of Miniature*) и др.

Воспоминания о Белграде отражает произведение *“Угасающая память”* (*Fading Memory*), в котором воспроизводится непреодолимое детское желание самого Ч. Симича заполнить игрушечный театр, некогда поразивший его воображение. Найдя желаемое, он с радостью выстраивал в нем свой неповторимый, необъятный мир, частью которого была и “долгая сага о Диком Западе с индейцами, главным героем, лучшим другом героя и плохим парнем...” [31, с. 52].

Память о Югославии воссоздается в стихотворении Васко Попа *“Маленькая коробка”* (*The Little Box*), полный перевод которого представлен Ч. Симичем.

Заключение. В творчестве Чарльза Симича отражена особая модель адаптации личности, при которой происходит полная ассимиляция писателя-эмигранта в американскую культуру, являя один из примеров того, “как в огромном “плавильном котле” в американцев превращались представители самых разных национальностей и расовых культур” [1, с. 10]. Доминантой эстетического сознания Симича является установка на художественный эксперимент, в процессе которого автор переработал достижения классических и современных писателей и создал значительный пласт литературного наследия, отличающегося оригинальностью, четкими мировоззренческими установками, многовекторными эстетическими исканиями, игровой тональностью, парадоксальностью мышления. В то же время, на наш взгляд, разнообразие экспериментов Ч. Симича создают особый эффект “избыточности художественной реальности”, во многом уведящей его от жизни в символический мир, в игру” [5, с. 394], которая далеко не всегда воспринимается читателем. Как и у ряда других современных авторов, игровые экспериментальные элементы и значимые для Симича литературные стратегии “в некоторой степени сочетаются с эстетической вторичностью, поверхностностью, утратой целостности, аутентичности” [3, с. 140]. С одной стороны,

гибкость симичевской эстетической системы делает ее информативной и привлекательной для исследователей, т.к. демонстрирует широкие интертекстуальные связи и многозначные культурные переключки. С другой – данная эстетическая система остается достаточно закрытой территорией в связи с избыточным зашифрованным символизмом и глубоко личной автобиографической рефлексией, которые сложно декодировать даже искушенным специалистам. Требуются глубокие знания широкого культурно-исторического и социального контекста, понимание специфики автобиографизма, специальная подготовка и владение определенными методами анализа для раскрытия смысла такой поэзии. В своих же публицистических произведениях и эссеистике автор демонстрирует бескомпромиссную критику многочисленных проблем современного общества и смелость в обнажении его противоречий.

Безусловно, творчество Ч. Симича имеет как собственно литературное, так и образовательное, информативное и аксиологическое значение. Оно позволяет исследовать секреты творческой лаборатории и видеть эксперимент – синтез многих направлений, приводящих к возникновению новой эстетической реальности. Его произведения отражают закономерности современного художественного процесса, расширяют кругозор читателей, развивают интеллект, стимулируют фантазию. Ч. Симич продолжает обогащать американскую литературу своими экспериментами, а также переводами. Он знакомит читателей с именами писателей из других стран, включая творчество известных югославских поэтов И. Лалича, В. Попа, Т. Шаламуна, М. Павича, А. Ристовича и др.; он также привлекает внимание широкой читательской аудитории к творчеству уже известных американских и европейских писателей.

Наши выводы переключаются с мыслями Роберта Б. Шоу – известного поэта и критика, профессора Йельского университета и лектора Гарвардского университета, который, признавая ценность художественных исканий Ч. Симича, отмечает: “Независимо от того, какой эффект на американскую литературу может иметь пример Ч. Симича, его творчество до конца не будет понято вследствие своеобразия и неповторимости таланта автора. Свою оригинальность и ее последствия хорошо осознает и сам поэт, с упорством продолжая свою работу” [28, р. 24]. Возможно, Ч. Симич еще откроет новые страницы своего творчества...

ЛИТЕРАТУРА

1. Болховитинов, Н.Н. Американская цивилизация как исторический феномен / Н.Н. Болховитинов // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. – М. : Наука, 2001. – С. 9–16.
2. Литвинов, Э.П. Личность и ее мировоззренческие основы [Электронный ресурс] / Э.П. Литвинов // Альманах Пространство и Время. – Т. 2. – Вып. 1, 2013. – Режим доступа: <http://j-spacetime.com/actual%20content/t2v1/>. – Дата доступа: 27.12.2017.
3. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – СПб. : Алетейя, 2000. – 347 с.
4. Можейко, М.А. Экспериментация / М.А. Можейко // Постмодернизм : энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис : Книж. Дом, 2001. – 1037 с.
5. Мясникова, Л.А. Мировоззрение / Л.А. Мясникова // Современный философский словарь / С.А. Азаренко [и др.] ; под общ. ред. В.Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Акад. проект, 2004. – С. 392–395.
6. Петрова, Е.И. Архетипические основания менталитета в трансформирующемся социуме [Электронный ресурс] / Е.И. Петрова. – Режим доступа: cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskie-osnovaniya-mentaliteta-v-transformiruyuschesya-sotsiуме. – Дата доступа: 14.03.2016.
7. Петровић, Радивоје. Отаџбина и расејање / Радивоје Петровић // Даница. Српски народни илустровани календар за годину 2005. – Београд, 2004. – С. 100–110.
8. Рычкова, Ю.В. Энциклопедия модернизма / Ю.В. Рычкова. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 224 с.
9. Согрин, В.В. Исторический опыт США / В.В. Согрин. – М. : Наука, Ин-т всеобщ. истории РАН, 2010. – 581 с.
10. Сулова, Т.И. Проблема самоидентификации в культуре в условиях глобализации / Т.И. Сулова // Культура и этика меняющегося мира. – Красноярск : Литера-принт, 2009. – Вып. 6. – (Серия «Библиотека актуальной философии»). – Режим доступа: http://www.globalistika.ru/biblio/actual_phil_6.htm#b. – Дата доступа: 04.01.2017.
11. Суханек, Л. Место антропологии в эмигрантских исследованиях / Л. Суханек // Русское зарубежье и славянский мир : сб. трудов / сост. Петр Буняк. – Славистическое общество Сербии : Белград, 2013. – С. 12–21.
12. Толкачев, С.П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература [Электронный ресурс] / С.П. Толкачев // Знание, понимание, умение. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/. – Дата доступа: 05.01.2017.
13. Чагин, А.И. Сюрреализм / А.И. Чагин // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М. : Интелвак, 2001. – С. 1050–1055.
14. Шутова, Е.В. Архетипы “дом” и “бездомье” и их объективация в духовной культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/arkhetipy-dom-i-bezdome-i-ikh-obektivatsiya-v-dukhovnoi-kulture#ixzz42OkNOV00>. – Дата доступа 02.03.2016.
15. Эстетика: Словарь Мировоззрение художника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aesthetics.academic.ru/280/МИРОВОЗЗРЕНИЕ_ХУДОЖНИКА. – Дата доступа: 27.01.2017.

16. Beaujour, Elizabeth Klosty. *Bilingual Russian Writers of the First Emigration* / E. K. Beaujour. – Itaca and London : Cornell University Press, 1989. – 267 p.
17. Engelmann, D. *Speaking in Tongues: Exile and Internal Translation in the Poetry of Charles Simic* / D. Engelmann // *The Antioch Review*. – 2004. – Vol. 62, № 1. – P. 44–47.
18. Erdmans, M. *Portraits of Immigration: Sour Milk and Honey in the Promised Land* / M.P. Erdmans // *Sociological Inquiry*. – 1999. – V. 69, № 3, August. – P. 337–363.
19. Eyeran, R. *Intellectuals and cultural trauma* [Electronic resource] / R. Eyeran // *European Journal of Social Theory*. – 2011. – Vol. 14. № 4. – P. 453–467. – Mode of access: <http://www.inliberty.ru/library/599-intellektualy-inbspkulturnaya-travma>. – Date of access 12.04.2015.
20. FAQ: Историческая травма как культурное явление: 5 фактов о происхождении коллективных травм и способах работы с ними [Electronic resource]. – Mode of access: <http://postnauka.ru/faq/26580>. – Date of access: 12.03.2015.
21. Hutner, G. *Introduction* / G. Hutner // *Immigrant Voices II*. – New York : New American Library. – P. IX–XVII.
22. Jong, E. *Inventing Memory* / E. Jong. – New York : Harper Collins, 1997. – 305 p.
23. Matejic, M. *Serbian Writers in America: Conflict of Identity* / M. Matejic // *Studies in Ethnicity: The East European Experience in America*. – New York : Columbia University Press, 1980. – P. 183–211.
24. Molley, M. *Real America An Interview with Charles Simic* / M. Molley // *Chicago Review*. – 1995. – Jan. 1, V. 41, № 2. – P. 13–18.
25. Rippl, G. *The Ecphrastic Poet as Custodian of Culture. Charles Simic's 'Dime-Store Alchemy'* / G. Rippl // *Magical Objects. Things and Beyond*. – 2007. – Vol. 12. – P. 157–179.
26. Rippl, G. *Iconicity and Intermediality in Charles Simic's Dime-Store Alchemy* / G. Rippl // *Semblance and Signification*. – Amsterdam : The Amsterdam University Press, 2011. – P. 313–325.
27. Scarry, S.A. *World of Objects: The Poetic of Charles Simic* : dissertation for the degree of Master of Arts / S.A. Scarry. – Montana : The University of Montana, 2004. – 64 p.
28. Shaw, R.B. *Charles Simic: An Appreciation* / R.B. Shaw // *The New Republic*. – 1976. – Jan. 24. – P. 25–27.
29. Simic, Ch. *The Art of Poetry*. Interview by Mark Ford [Электронный ресурс] / Ch. Simic // *The Paris Review*. – 2005. – Iss. 173. – Режим доступа: <https://www.theparisreview.org/interviews/5507/charles-simic-the-art-of-poetry-no-90-charles-simic.-/>. – Дата доступа: 16.12.2016.
30. Simic, Ch. *Commencement Speech* [Электронный ресурс] / Ch. Simic. – Режим доступа: <http://www.bucknell.edu/x43091.xml>. – Дата доступа 20.12.2016.
31. Simic, Ch. *Dime-Store Alchemy: The Art of Joseph Cornell* / Ch. Simic. – New York : New York Review Books, 1992. – 82 p.
32. Simic, Ch. *New and Selected Poems 1962–2012* / Ch. Simic. – New York : Houghton Mifflin Harcourt, 2013. – 355 p.
33. Simic, Ch. *The Renegade* / Ch. Simic // *The Renegade*. – New York : George Braziller, 2008. – P. 7–18.
34. Wong, Sau-Ling Cynthia *Immigrant Autobiography: Some Questions of Definition and Approach* / Sau-Ling Wong // *American Biography: Retrospect and Prospect* / ed. Paul John Eakin. – Wisconsin : the Univ. of Wisconsin Press, 1991. – P. 142–155.

Поступила 01.03.2017

WORLD PERCEPTION AND AESTHETIC ATTITUDES OF CHARLES SIMIC

L. PERVUSHINA

The article deals with the creative work of Charles Simic – a famous American writer of Serbian origin. His philosophies, worldview attitudes, and ideals are revealed, his personal beliefs are exposed, and different vectors of his creative work are considered. The peculiarities of Simic's composite national identity are determined and specific aspects of adaptation, acculturation and assimilation to American culture are shown. The ideological and thematic richness of Simic's works which appear under the influence of contemporary reality is analyzed. The affect of numerous artistic concepts on Simic's artistic work is revealed. The author's aesthetic principles are investigated and his experiments with intertextuality, intermediality and symbolism are exposed.

Keywords: *worldview attitudes, personal aesthetic, cultural identity, émigré writer, cultural and historical memory*